

Василий Иванович Немирович- Данченко

Атака

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#2)

Немирович-Данченко Василий Иванович - известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» - поездка по югу, «В гостях» - поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» - описание своеобразного быта Валаама, «Кама и

Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны 1877 -

78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904 - 1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. - отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу «Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Атака**

— Ну, теперь помоги Боже!.. — повторили
— Солдаты кругом.

Зловещее молчание воцарилось по ту сторону... Боевые юмористы, задиравшие наших, вернулись к своим. Слышался гул только от сближавшихся шаяк... Луны уже не было. Она зашла за горы, и из-за Шайтан-Дага её серебряное сияние венцом раскидывалось ещё, мало-помалу опускаясь и замирая. Ярче горели звёзды. Всё точно притаилось кругом. Млечный Путь выступал во всём великолепии — с мириадами вселенных — дивным творением художника, создавшего их... Брызгалова невольно охватило чувство восторженного обожания... И он про себя уже молился: «Ты, создавший всё это, Ты, зажёгший светильники ночи. Ты, невидимо присутствующий везде, дай нам сегодня силу и победу!.. Ибо мы служим Тебе, Единому, Вечному, Милосердому и Всемогущему»... Во мраке кругом краснели только фитили в руках у фейерверкеров, тускло отражаясь на жёлтой меди орудий... Слышался шорох солдат на стенах, изредка в потёмках едва-едва поблёскивал штык.

— Кнаус!.. Ракету!.. — тихо проговорил

Брызгалов.

— Есть! — ответил тот также тихо.

Туман припал тонкою пеленой к земле. Он только кусты её прикрывал, и когда огненная змея, шипя, взвилась в высоту, — отовсюду выделились уже недалеко от крепостных стен молчаливые массы врагов. Довольно было нескольких мгновений, чтобы Брызгалов оценил силу готовившегося удара. Впереди сидели наибы и мюриды на конях. Позади как море раскидывалась масса пеших лезгин... Чего они медлят?.. Где Хатхуа?

— Вторую... Погодите, впрочем... — Ребята, если вы увидите всадников у рва, — осадите мне их! — С Богом, вторую!..

Опять новая огненная змея взвилась вверх... У края рва, действительно, оказалось несколько конных и между ними князь Хатхуа, объезжавший, по-видимому, выбрать место, где удобнее перекинуться через препятствие. Как ни быстро погасла ракета, но этого было достаточно. Несколько ружей выбросило огненные снопы во мрак перед собою, и двое всадников свернулось в ров со своих сёдел. «Хорошо, если бы Хатхуа был

между ними!» — подумал комендант, но кабардинец тотчас же крикнул ему из-за рва — чисто по-русски:

— Спасибо за урок, комендант!.. Сочтёмся после.

Хатхуа нарочно остановился неподвижно... Во мраке его фигура чуть-чуть выделялась над конём.

— Мы в тебя и стрелять не станем! — крикнул ему Левченко...

— Я заговорён, по твоему? — смеялся Хатхуа.

— Нет... А по тебе верёвка плачет!

— Молчать, Левченко!.. Довольно... — приказал Брызгалов.

И опять тишина. Тёмный силуэт кабардинского князя пропал во мраке.

— Ваше высокородие! — тихо наклонился Левченко...

— Ну?..

— Царапаются по стене...

Действительно, слышался там какой-то шорох.

— Как царапаются?

— А тые самые, которые, значит, прихи-

лимшись сидели. Дозвольте попужать...

— Ну, попробуй!..

Левченко, привыкший на охоте видеть в полумраке как днём, лёг на парапет и высунул голову, потом тихонько выдвинул ружьё, нацелился. Громадный лезгин, как ящерица припавший к стене, пользуясь её трещинами и скважинами, полз наверх, — сам не зная зачем... Нужно было видеть его цепкость, чтобы поверить ей... Левченко засмеялся.

— Эй, не слишком ли высоко залетела ворона в чужие хоромы...

Сверкнул выстрел, слабый крик, и лезгин как тяжёлый мешок рухнул на землю.

Левченко подождал...

— Верно!.. Теперь готов...

Он ещё посмотрел в другие стороны...

— Давай ружьё! — приказал товарищу.

Тот подал ему заряженное, и вторая «серая» ящерица рухнула вниз.

— Чисто, ваше высокоблагородие...

— Спасибо. Должно быть, ак-булахцы.

— Никому больше...

Ак-булахцы, действительно, между лезгинами были настоящими горными ящерица-

ми. Аулы их мостились на таких недоступных высотах, что, глядя снизу, нельзя понять, как добраться туда без крыльев. Ак-булахцу таких крыльев не нужно было — он наденет на руку род перчатки с железными когтями, снимет обувь, чтобы она не мешала цепким пальцам ноги, — и быстро взберётся на отвесную стену. Лезгинская пословица говорит, что «ак-булахцу брось в бездну хлеб, он его там из горла у шайтана выхватит». Брызгалов, глядя вперёд, соображал, что таких ак-булахцев у Хатхуа не один десяток. Верно, он их пустит вперёд, чтобы они влезли на стены. Сам начнёт атаку отсюда, а их пошлёт на левую башню или в другое место... Он приказал Незамай-Козлу взять Левченко, которого ни один ак-булахец не мог бы надуть, и отправиться на свою позицию... Сам же озабоченно посматривал на кучку мюридов, ещё распевавших священные песни. Он знал, что лучше и безопаснее иметь дело с несколькими тысячами байгушей, как бы они стойки ни были, чем с сотней мюридов, окружавших найба. Мюрид умирает, убивая, и никогда не бежит с поля битвы, если даже и может спа-

стись. С ними мало храбрости — нужна хитрость. Один мюрид, засевший за камень или в ауле в сакле, стоит целого гарнизона. Он отлично выбирает пункты. Часто, бывало, мюрид поставит несколько ружей на сошки, направив их в каждый проулочек, уголок, изворот тропинки, откуда могут подойти наши. Чтобы взять такого отчаянного горного волка, надо решиться на большие потери и броситься на него целой колонной. Особенно, если мюрид — не чеченец, а лезгин. Лезгины талантливы и стойки. Они мастера укрепляться. Завалы их всегда так рассчитаны, что с какой стороны ни подойди к ним, они встретят вас перекрёстным огнём. Противу артиллерии они роют канавы с покатыми навесами, засыпанными землёй, где они в полной безопасности от ядер и гранат. Крытые сводами подземные канавы их идут в несколько ярусов. Чеченец нарубит деревья и спрячется за ними. Лезгин пересыплет их землёй и камнями и создаст истинную твердыню. Чеченец дерзок, но под огнём нервен; лезгин как и наш солдат спокоен, хладнокровен. Чеченец-наездник — налетел, изрубил и исчез.

Лезгин встречает открытым боем на крепкой позиции, усилив её ещё завалами, башнями, подземными канавами... Брызгалов был убеждён, что и теперь уже вся долина р. Самур перерыта ими. Явись к нам подкрепление, лезгины станут отступать, защищая каждую пядь земли и не отдадут её иначе как с боя; и теперь, решив открытую атаку, они разобьются лбами о стены крепости, но не отойдут. Брызгалову случалось видеть их атаки «в шашки», и, только хорошо знакомый с качествами своих солдат, он мог оставаться спокойным... Ему было тягостно лишь ожидание. Что-то старое, знакомое, напоминавшее ему юность вскипало в груди. Хотелось самому как некогда помериться, но он тотчас же забирал себя в руки и, когда «потомок тевтонских рыцарей», как он сам себя рекомендовал — белобрысый прапорщик Кнаус, разгоревшись, предложил ему какую-то отчаянную выходку, — Брызгалов немедленно осадил молодого немца.

— Никто здесь не сомневается в вашей храбрости. Но помните, что помимо храбрости офицеру нужно хладнокровие. Гораздо

больше приносит пользы тот, кто ждёт команды, чем рискующий на каждом шагу собою, чтобы показать личное молодечество. Этим, Кнаус, вы здесь никого не удивите. Да, впрочем, не беспокойтесь, — улыбнулся он. — Судя по тому, что лезгины всей массой идут сюда с мюридами впереди, — а чеченцам они предоставили другие позиции, — вас ожидают ещё приятные моменты встретить их грудь грудью...

— Да что же они не начинают!..

Только в это мгновение Брызгалов понял, чего они медлят.

Гул прошёл по долине... Все эти массы воинственных горных кланов восторженно приветствовали кого-то. Очевидно, они все ждали именно этого «кого-то», и потому так неистово встретили его своим приветом. Гул рос и приближался. В центре его неслись какие-то огни. «Это, очевидно, факелы в руках у конвойных всадников, у свиты», — соображал Брызгалов. Точно лавина катилась с высоты... Вот уже оглушительный вихрь этот близко-близко... По команде Брызгалова взвилась ракета, — и недалеко он увидел группу кон-

ных горцев... Впереди — старый мюрид с зелёным знаменем, за ним четверо с факелами. Дым их длинными языками назад откинулся. За ними вихрем несло несколько таких же, и между ними один весь в красном, в высокой обёрнутой зелёным чалме-папахе. Как ни был тускл свет факелов, Брызгалов отличил эти цвета и, всмотревшись в красного всадника, вздрогнул, но тотчас оправился и, не давая дурному впечатлению распространиться на солдат, обернулся к ним и весело крикнул:

— Поздравляю вас, ребята! Вам предстоит сегодня слава отразить от нашей родной крепости самого Шамиля.

«Ура!..» — точно земля вздрогнула от грозного крика солдат, засевших на стенах. «Ура!» — загремело по всем её сторонам... Этот вызов спокойной, в самое себя веровавшей силы, нёсся прямо в лица врагам, грозный как и защитники жалкой кучи камней, ожидавшие за ними решительного удара.

— Орудие... Пли!

Вихрем картечи смыло кучку всадников, приблизившихся ко рву...

Один из них, именно красный — был ви-

ден. Он остался на месте, глядя на стены, ров, башни, на гласисы и парапеты и оценивая их опытным глазом. Во мраке — размеры его коня и его самого казались ещё более преувеличенными, хотя и Шамиль был очень высок ростом... Около оставался один Хатхуа, — и Шамиль что-то объяснял своему наибу, указывая на башни... Потом он сдвинул папаху на затылок и медленно отъехал назад...

«Сам Шамиль... И никого нельзя послать в Дербент... Сам Шамиль!»

И Брызгалова сразу охватило спокойствие. Теперь он уже знал опасность, — и ничего тайного перед ним не было, мужественная душа его только окрепла от этого...

— Сам Шамиль!.. — и сердце его билось ровно...

Он только зорко следил за этим красным уже, сливавшимся с окружающим его мраком пятном. Факелы там были погашены...

Чу! — резкий, повелительный голос. Точно орёл бросил с высоты свой хищный крик, — и вся эта железная масса всадников ринулась вперёд сослепу, ничего не видя перед собою и ничего не соображая... За нею

двинулись пешие дружины, осыпая выстрелами крепость... Какой-то хаос родился вдруг из зловещей и мёртвой тишины... Бешено неслись всадники, хрипло повторяя своё: «Алла-Алла!» — неслись прямо на смерть, ждавшую их в глубине крепостного рва, — но его надо было наполнить хоть телами, всё равно, и вся передняя часть грозной лавиной со стихийным шумом рухнула туда. Вслед за нею посыпались другие, но некогда было защитникам крепости слушать этот гром воплей, криков, стонов, ржания лошадей, проклятий и выстрелов... Каждое мгновение сближало врагов. Вся жизнь солдат сосредоточилась теперь, казалось, в глазах, — и они зорко следили... Вот уже по засыпанному ещё живыми людьми рву перекидываются пешие лезгины, чеченцы скачут вдоль стен крепости, оценивая, куда поставить лестницы... Наводнение достигло этой плотины и бьётся теперь под нею, бьётся бешеными волнами, словно нащупывающими, где эти плотины послабее, где они могут скорее поддаться, рухнуть и открыть дорогу ревущей стихии... Всадников уже массы, — но ни одного выстрела не сдела-

ла крепость... Вот и пешие дружины переходят сюда... Разом ахнули медные жерла оружий, несколько снопов огня разорвало тьму, но лезгины не дрогнули. Сотни их упали, — другие сотни двигались стеной им на смену... а за этими сотнями позади двигались ещё тысячи.

— Пальба на выбор! — скомандовал Брызгалов.

Солдаты точно ждали этого. Каждый уже наметил жертву... В треске и грохоте залпов и отдельных выстрелов тонули крики и стоны раненых. Казалось, земля до самых таинственных недр своих расседалась, скалы раскалывались, и вздрагивали горы в этом невообразимом неистовстве боя. А пешие дружины врага спокойно всё шли да шли новыми грядами грозных валов на смену павшим, шли со спокойною преданностью судьбе, с верою в свою правоту...

— Молодцы! — невольно вырвалось у наших солдат.

— Да, это не то, что чечня!..

— Куда чеченцу! Ему только бы разбоем. Он... — и, не кончив, говоривший схватывает-

ся за руку товарища и падает вниз.

— Даром выстрелов не тратить! Порох дорог! Помнить это!.. — слышится бодрый голос Брызгалова.

Теперь уже внизу волнуется сплошное море лезгин. Гвалт оттуда.

Напрасно — сверху на выбор бьют мюридов и наибов, — точно никому там и дела нет до этого... Вот уже лестницы подставлены к стенам и крутым гласисам... Их много... В некоторых местах — они одна к одной сплошь... Орудия уже не прерывают кровожадного рёва. Клубы дыма стоят кругом, вся крепость закурилась ими, точно это залитый водою костёр, обволакивающийся паром и чадом... В дыму глухие крики... То и дело в нём мелькают новые лица.

— Штыками бодрей встречай! — грозовой уже носится голос Брызгалова.

Какая-то голова в папахе показалась у самого Кнауса. Тот рубнул шашкой, и, раскинув руки, лезгин летит с лестницы вниз... Другой ему навстречу... Кнаус и его отправил туда же... Третьего постигает та же участь.

Но вдруг перед ним несколько голов. Он

рубнул одну, — но тут грудь с грудью, неведомо как, оказывается громадный лезгин в бараньей шкуре и хрипло кричит что-то офицеру... Кнауус и не замечает, что у того в руке кинжал, — да и незачем, потому что штык ближайшего солдата глубоко проникает в грудь горца, и его обессиленная рука с кинжалом падает, не нанеся рокового удара. Кнауусу — дела по горло. Он справился с третьим, не сообразив сгоряча, что тот выстрелил ему в лицо и только потому и промахнулся, что другой солдат со стороны прикладом тронул его в бок... Бой вверху идёт у орудия. Неведомо как туда прорвались лезгины и бешено наседают на отбивающуюся орудийную прислугу. Брызгалов — там уже, — несколько десятков солдат за ним — и башня опять чиста, а снизу лезут новые и новые сотни отчаянных головорезов... Теперь уже по всей линии крепостной стены идёт полувоздушный бой в штыки с нашей — и в шашки с их стороны. Блеск взмётывающихся вверх лезвий, как скрещивающиеся молнии, лязг железа о железо, стоны раненых, глухие проклятия, ободряющие слова команды, стук от падающих

вниз врагов, треск лестниц, ломающихся под тяжестью их... Теперь всё перемешалось... В общем мареве боя схватываются грудь с грудью, лицом к лицу встречаются враги вперемежку. Кое-где сплошной массой стоят они, и нет места руке размахнуться, потому что тесно, точно всех вместе давит какой-то громадный пресс. Пистолетные выстрелы в упор. У многих из наших солдат оказались лезгинские кинжалы. Тесно, штыком не размахнуться, и они работают неприятельским оружием. Брызгалов везде. Чудом он не ранен. Точно сквозь туман он видит, как Кнауус схватился с громадным оборванцем... Брызгалов, не замечая, что перед ним враги, хочет прорваться на помощь к молодому прапорщику, но тот и сам отбивается и самодовольно шепчет:

— У нас в Дерпте тоже учили драться, и так, и весьма даже превосходно!

Степан Фёдорович видит, что наступает решительный момент. Вон, вдали — под светом звёзд, при трепетном блеске перебегающих выстрелов — сам Шамиль уже ведёт атаку. Пора! Вовремя Брызгалов вспомнил о фугасах... Ещё минута, и страшный треск их, та-

кой треск, что враг, оглушённый, останавливается, не опустив удара на намеченные жертвы, такой треск, будто земля, вздрогнув, крикнула всем своим громадным телом. Снопы пламени, тысячи камней взметнулись в высоту... И, точно, обезумевшая лавина, атака в слепом страхе двигается назад; со стонами и воплями бегут от страшных стен лезгины, бегут, сметая перед собою новые и свежие дружины... Вслед им — со стен сбрасывают наши оставшихся ещё храбрецов; перебегающий огонь выстрелов, и вдруг разом отмыкаются ворота крепости, и в них выскакивает и выносятся прямо в живую массу врага бравая полусотня казаков с пиками наперевес. Не давая ему опомниться, она кругом летит по полю, смывает прочь несколько кланов, попавшихся ей на пути, с гиком стремится на Шамиля, — и, не выдержав её натиска, тот сам уходит прочь к горам. А казаки уже далеко в стороне и, всё так же веером раскинутые, сбрасывают всё, что перед ними смеет ещё стоять в ожидании рокового удара. Так же быстро, как вынеслась туда, — сотня вернулась назад, замкнулись за нею крепостные

ворота, и смелое, свободное, счастливое «ура» торжествующих защитников крепости летит на страх врагу в осиянную звёздную бездну неба, где на востоке уже бледнеет тьма, и резко обрисовывается причудливая кайма гор.

— Спасибо, ребята, благодарю вас, товарищи!.. Кнаус, дайте вам пожать руку!..

И всюду навстречу Брызгалову, — «рады стараться» и «ура» сливаются вместе в один радостный, весёлый крик... Пока ещё некому считать потери. Об убитых и раненых забыли... В угаре победы не до них, когда каждая жилка трепещет от сознания великого счастья, когда грудь ходуном ходит, и воскресное сознание торжества одуряющим туманом окутывает голову... Не до них теперь, когда шапки поднимаются, и во внезапно наступившей тишине, подняв крест вверх, священник, ни на минуту не оставлявший боевых позиций, бодро и смело начинает.

— «Тебя, Бога, хвалим!..» — стройно пристают к нему солдаты...

Выше и выше подымается святая песнь, и когда дело дошло до «Не постыдимся вовеки», кажется, что самые камни, из которых сложе-

ны эти стены, поют славу Господу, дарующему победу живым и воскресение в жизнь вечную павшим.

Лезгины были уже отбиты отовсюду. Сегодня все держали себя героями. Незамай-Козёл, действительно, был запорожец, сечевик в душе. Он горел боевым воодушевлением и у себя работал штыком как простой солдат... Когда врага уже не было, он с сожалением следил за его отступлением. «Эх, жаль!» — вырвалось у него. «Чего жаль?» — спросил его Роговой. «Как же — безо время ушли... Ещё бы трошки порубиться!..» Возбуждение боя не улеглось. Устали пока не чувствовал никто. Все громко, преувеличенно громко говорили, смеялись. Радостное чувство сознания, что «я вот уцелел» прокрадывалось в самые великодушные сердца вместе с мыслью, что «я ведь ничего не сделал для того, чтобы уцелеть, напротив, рубился молодцом и смею в глаза смотреть каждому и смотреть прямо!..» Только теперь Брызгалов вспомнил о раненых... Но ему ещё хотелось раз обойти всю крепость... Солдаты весело встречали его. Исчезла разница положений, — тут были только

брatья, дравшиеся и умиравшие рядом. Теперь, в эти торжественные минуты все они любили друг друга и готовы были, назло себялюбивым инстинктам, всё-таки прорывавшимся, — отдать жизнь за товарища. Поэтому и на приветы Брызгалова они отвечали уже не так, как прежде. В этих откликах слышалось что-то умилённое, точно в каждом звуке их бились скрытые пульсы... «Самого Шамиля — разнесли, ребята!..» «Не ко время он нос показал!» — слышалось из рядов. «Сунься ещё — и ещё накладём»... «Если Бог поможет!» — закончил другой голос... А позади священник в это самое время запел: «Иного-бо разве Тебе защитника не имама!» — и вдруг вся эта счастливая, радостная масса, точно повинувшись какому-то, внезапно в каждой душе раздавшемуся, неотразимому голосу, без шапок, склонила колена перед золотым крестом пастыря, высоко поднятым над ними...

Вниз Брызгалову страшно было идти.

Он так сжился с каждым из этих солдат. Они были для него семьёй, братской семьёй. Пока его дочь росла в Петербурге, для него не

было людей ближе этих. Каждого он знал, как знают дорогих людей. Знал с его слабостями и достоинствами, с его прошлым и с тем, что ему дорого в прошлом. При всех своих маленьких огорчениях, к нему шли его солдаты за советом и помощью, в полном убеждении, что отец-командир, такой строгий и суровый в строю и на службе, не откажет ни в чём возможном. Случится ли что-нибудь дома, далеко, за несколько тысяч вёрст позади, в глухих, по безлюдьям и бездорожьям затерянных деревушках, и Брызгалов выслушает, и в резком голосе начальника — каждому послышится что-то ласковое, участливое. А от слова и до дела только один шаг. Слов-то ещё Брызгалов терять не любил, больше дело делал. Рекрута «пригонят», точно полузатравленного волчонка, и затоскует тот; — Брызгалов позовёт, приветит, товарищам прикажет беречь малыша, — и смотришь, бедняга через несколько дней чувствует себя точно дома в родной семье. Ужасы военной муштры на Кавказе не существовали; они все были в «России» того времени. Поэтому Брызгалов знал, что на своих он может надеяться как на каменную го-

ру, — и теперь ему страшно и тяжело было этих своих видеть внизу, в лужах крови, умирающими или уже отошедшими туда, «иде же несть печали и въздыханія», оставив внизу только продырявленные тела.

Он тихо спускался...

В воздухе ещё кружились свинцовые шмели... Гулкий топот отступающих за Самур воинственных лезгинских дружин слышался всё слабее и слабее... Впереди, под чинарою, горели фонари, и дымился красный язык пламени, выхватывая из мрака фигуру наклонившегося к кому-то доктора и рядом с ним белый силуэт, при виде которого сердце Степана Фёдоровича дрогнуло...

— Нина! Ты что... Я тебе сказал...

— Не сердитесь на дочь! — поднял своё измученное лицо доктор. — Не знаю, что бы я делал без её золотых рук и ангельского сердца!..

— Я, нет... Я ничего... — смешался Брызгалов и, когда Нина окончив бинтовать раненую ногу лежавшему на земле солдату, поднялась, отбрасывая назад волосы, отец её порывисто обнял...

Она на мгновение припала к его груди, но тотчас же с усилием оторвалась и перешла к следующему раненому...

Вот они, братья по оружию! Брызгалов, сдвинув брови, смотрит внимательно им в лица... И на него снизу бледные, посиневшие, искривлённые страшною мукою, — глядят эти «жертвы вечерние» сегодняшней победы... Бескровные губы селятся что-то сказать... Некоторые даже хотят приподняться и падают опять.

— Лежите, лежите, голубчики! — приказывает им комендант.

— Степанов, и тебя тронуло? А каким молодцом отбивался, на моих глазах! — Трех лезгин за стену сбросил...

— Тронуло, — тихо отвечает тот.

— Куда?

Доктор смотрит многозначительно, и Брызгалов понимает без слов: «тяжело, безнадежно»... Он тотчас же овладевает собою, и лицо его принимает весёлое выражение.

— Выпользуем, навесим тебе крест и ступай вольным казаком на все четыре стороны!..

Но больного обмануть трудно.

— Точно что крест, ваше вскорodie! Только деревянный!.. А уйду, действительно, далеко... Долго жить вам прикажу...

Сколько в этом «долго жить» грустного... Уходящий из мира оставляет последний завет свой тем, кого уж ему не суждено видеть ни здесь, ни там... Долго жить... «Прощайте, будьте счастливы!.. Счастливы, только меня уж не будет между вами... Вам свет солнца, лазурь неба, тихая ласка ветерка в знойный день, дыхание моря, лепет волн, вам и ночь спокойная, и день радостный, вам — слово и песня, и смех, и слёзы, а мне — один мрак, один мрак могилы, какое-то неведомое, великое ничто... Долго жить!.. Живите, радуйтесь, только без меня, я даже не улыбнусь вам из моего близкого „далека“»... Так и понял это Брызгалов. Он перекрестил солдата и остановился, видя, что тот ещё его хочет спросить о чём-то.

— Тебе тяжело говорить?..

— Напоследок, Степан Фёдорович... дозвоьте узнать... отбили мы их?..

— Отбили, отбили...

— Совсем отбили?..

— Да... Теперь долго не сунутся... — Брызгалов чувствовал, что эта ложь зачтётся ему там выше всякой правды...

— Слава Богу!.. — радостное сияние, точно отсвет заходящего солнца, отразилось на лице раненого. — Слава Богу!.. С победой... — и затем он вдруг нашёл в себе силу подняться на локтях и счастливым взглядом охватить всех, кто был кругом... — Братцы... Самого Шамиля... С победой... Ура!..

И не кончил, упал навзничь, грудь приподнялась неестественно, у самого рта заклопотало что-то, и, когда его надорванный крик слабыми голосами подхватили другие раненные, — Степанова уже не было на свете, только широко открытые глаза его смотрели на Брызгалова, словно удивляясь, что это с ним, со Степановым, отчего он не может поднять голову от земли шевельнуть рукой и продолжать этот радостный крик. Брызгалов закрыл ему глаза и пошёл дальше...

А вон из-под шинелей ногами вперёд торчат убитые... Странен вид их. Ничего под серым сукном не видно, кроме этих пар по-

дошв. Одна к одной, углами. Но взгляд не отрывается от них, — не шевельнутся ли... Не вернётся ли жалкий скиталец из того великого нечто или ничто опять в эту прохладу ночи, уже дрогнувшей от первой ласки просыпающегося дня?..

— Сколько убитых и умерших от ран?

— Восьмеро, — тихо отвечает доктор.

— Слава Богу! — я большего боялся. Ну, а раненых? — спросил он, немного погодя.

— Пятнадцать человек уже в лазарете, десять ещё осталось здесь.

Брызгалов понурился и пошёл к себе...

— Свести солдат вниз! Оставить часовых в удвоенном составе. Выслать секреты и собак... Да пусть казаки охватят крепость разъездом... Скажите, чтоб не стрелять по убивающим раненых и убитых...

И он упал в кресло. Усталость взяла своё, — он заснул. Уже несколько минут стоял перед ним Незамай-Козёл. Надо было доложить обо всём, что случилось у него, но комендант попробовал с усилием открыть глаза и не мог.

— Сморился...

Незамай-Козёл думал сам отдохнуть, но по-

жалел Брызгалова. И опять пошёл вверх на стены.

— Не будить коменданта! — приказал он. — Ему сегодня — вдвойне пришлось: и за нас, и за себя...

Через час кончилась перевязка. Нина ещё пришла в лазарет узнать, всё ли есть там, оказалось, что доктор предусмотрел всё. Она горячо пожалала ему руку и пошла к себе. Бодрая и мужественная, девушка держалась на ногах только до своей комнаты. У себя её оставили силы. Она хотела дойти до постели, но вдруг ноги её подкосились, голова закружилась, сердце замерло, какой-то туман и мрак окутал всё, и она рухнула на мягкий шушинский ковёр, устилавший спальню...

Тише и тише жужжали свинцовые шмели, дальше уходил гул отступавших горных кланов.